

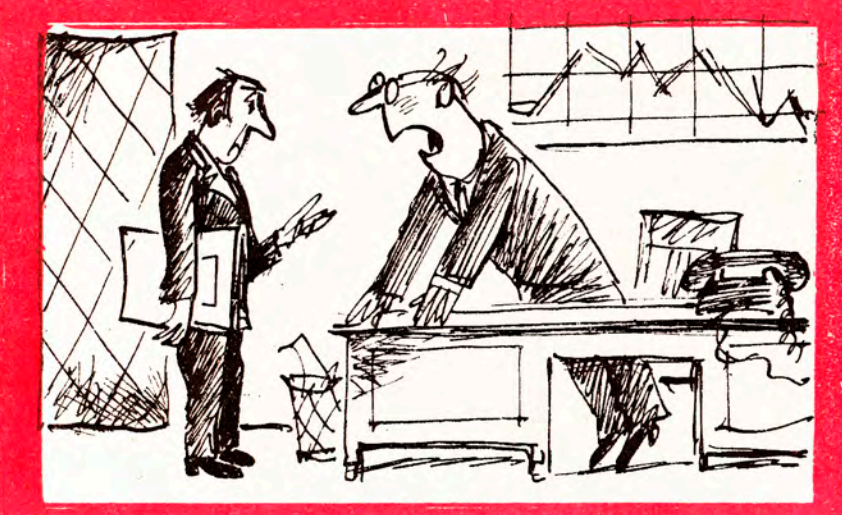
КРОКОДИЛ

9
1979

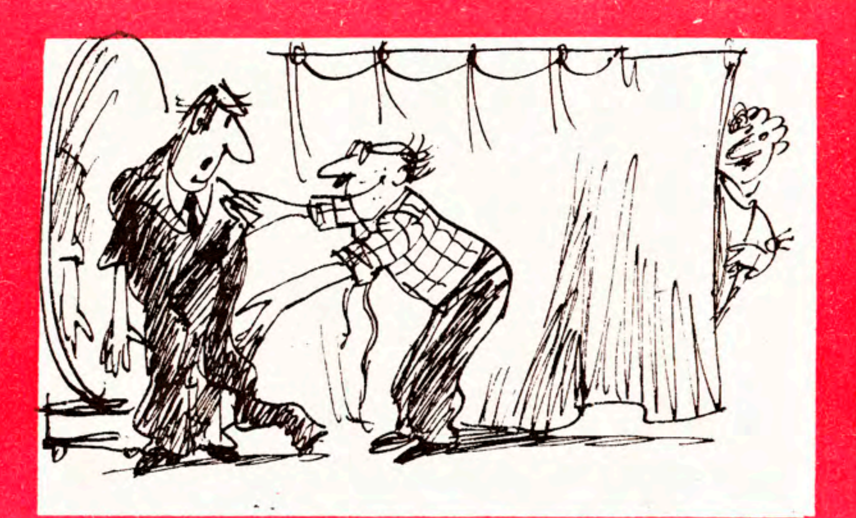

ТАБЛИЦА РАСХОДА КАЛОРИЙ

(ОБЩАЯ НОРМА РАСХОДА В СУТКИ — 4200 КАЛОРИЙ)

РАЗГОВОР С НАЧАЛЬНИКОМ — 800 КАЛОРИЙ

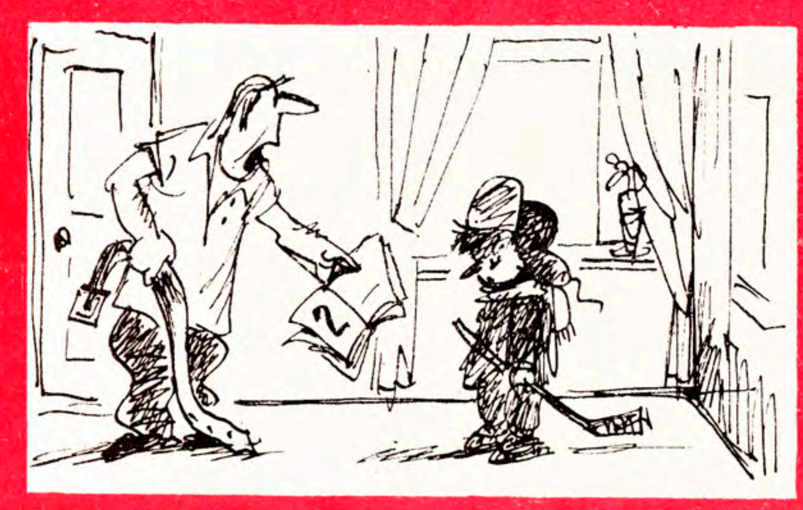
ПОСЕЩЕНИЕ АТЕЛЬЕ — 500 КАЛОРИЙ

ПОСЕЩЕНИЕ ПАРИКМАХЕРА — 400 КАЛОРИЙ

БЕСЕДА С ПРОДАВЦОМ — 1200 КАЛОРИЙ

БЕСЕДА С СЫНОМ — 600 КАЛОРИЙ

ВЫБИВАНИЕ ПУТЕВКИ — 700 КАЛОРИЙ

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

«Недавно мы получили новую квартиру в прекрасном доме улучшенной планировки. Все предусмотрено тут, кроме одного: форточек. Мелочь вроде бы, о которой и говорить-то неловко, а сколько неудобств причиняет она!»

(Е. Новикова, г. Москва)

ФОРТОЧКА

Если помните, уважаемая читательница, то фельетонист, которому вы поведали эту историю, согласился с вами: неловко. Столько глобальных проблем терзает нас, столько вопросов встает каждодневно, что вроде бы и впрямь не время заострять внимание на каких-то там форточках. Мелкотравчатость... Мелкотемье... Кажется, именно эти слова употребил я, вы же улыбнулись в ответ и заметили, что нет такой пусть даже и триумфально решенной проблемы, которую не может свести на нет совершеннейший пустячок.

С тем мы и разошлись. Вы отправились искать левака, дабы прорезал форточку, а я — заниматься проблемами.

Первая из них условно значилась в моем блокноте под словом «картофелесажалка». Это неточное обозначение, ибо такой проблемы на сегодняшний день вроде бы и не существует. Отечественная индустрия, поднатужившись, подарила сельскому труженику отменные картофелесажалки — чудо техники, каждая из которых заменяет сотню рук. Однако половину времени это чудо простаивает под загрузкой клубней, ибо занятая глобальными проблемами индустрия забыла о простейших желобах и бункерах-накопителях, с помощью которых обычный самосвал можно за полчаса превратить в идеальный картофелезагрузчик. И тогда наше «чудо» сделало бы вдвое больше, а вы знаете, что такое на селе каждый весенний час.

Или вот сельскохозяйственная авиация. Лихо оснащается она замечательными вертолетами Ка-26, из-за которых сейчас, когда идет весенняя подкормка озимых, кипит смертный бой между хозяйствами, и в то же время эти остродефицитные машины подолгу простаивают, вручную загружаемые минеральными удобрениями. Есть сложнейший летательный аппарат, и нет простеньких загрузчиков для них. Пустяк, «форточка», но какие же, право, мы великие мастера плодить подобные пустяки! Возведя фешенебельный дом отдыха на берегу моря, умудряемся не найти прокладок для крана, и круглые сутки в вашем номере мерно капает, из-за чего вы, ополоумев, срываетесь и бежите вон на неделю раньше.

Из великолепных номеров составлен эстрадный концерт, сцементирован же конферансом, от которого мурашки бегут по спине, а губы сами шепчут «О боже!». Роскошный праздничный торт упакован в коробку, мигом отбивающую аппетит, а «Аэрофлот», за два часа с комфортом доставивший вас с Урала в Москву, еще столько же мытарит вас в аэропорту в ожидании чемодана.

Этот маленький фельетон я отстукиваю сейчас на электрической машинке «Ятрань», последнем достижении отечественного машиностроения. На ВДНХ экспонируется она, и мастер Петр Иванович Инов, ас своего дела, утверждает, что лучшей пока что нет в мире. А затем подробно рассказывает мне, какой фантастический завод отгрохали для производства этих машин в Кировограде, сколько миллионов валютных рублей отвалено за оборудование и еще многое другое—благо время есть, ибо мы едем с ним через всю Москву ко мне, дабы он мог вернуть к жизни умолкнувший на восьмой день эксплуатации безупречный механизм. Этот — без иронии — механизм, вероятно, и впрямь безупречен, но не закрепили при сборке контактик—и скомпрометирован труд многих сотен людей.

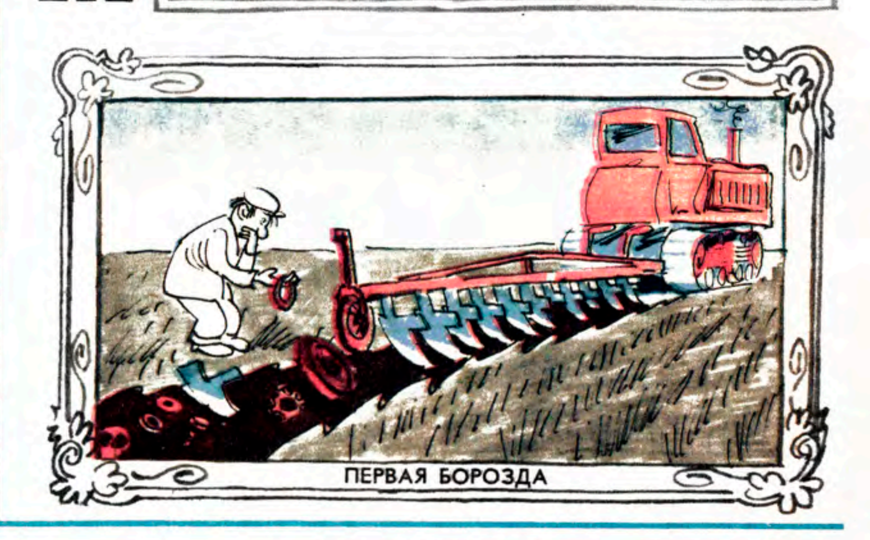
Мало-помалу решаем мы серьезнейшие проблемы: механизация сельскохозяйственного труда и беспримерное жилищное строительство, техника на уровне мировых стандартов и... Впрочем, разве перечислишь все! Решаем, и нередко блистательно, но при этом частенько забываем про форточку.

Фельетонист

ВЕСЕННИЙ ВЕРНИСАЖ

ЗАБРОШЕННЫЙ ПАРК

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

БЕРУ ШЕФСТВО над «МАГНИТОСТРОЕМ бумажной промышленности»

ИМЕННО ТАК НАЗЫВАЛИ ПОЛВЕКА НАЗАД КАМСКИЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНЫЙ КОМБИНАТ

Этот чугунный Крокодил вот уж скоро полвека стоит в редакции на самом видном месте. Такая честь оказана ему неспроста: он выплавлен из первого чугуна Магнитогорского металлургического комбината. Тогда, в годы первой пятилетки, журнал шефствовал над строительством гиганта отечественной индустрии. Поэтому и была вручена Крокодилу от имени 60 тысяч строителей Магнитки его металлическая копия.

Вот почему чугунный Крокодил машет платочком вслед сегодняшнему живому Крокодилу, отбывающему к подшефным.

См. стр. 8—10

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ

Ознакомившись с рисунками на весенние темы художника Юрия ЧЕРЕПАНОВА, жители ряда сел Курской области сразу же обвинили его в плагиате. При тщательной проверке факт заимствования подтвердился. Правда, сюжеты для своих рисунков Черепанов не позаимствовал, как это водится в плагиаторской практике, у коллег, а почерпнул их из жизни. А между прочим, в жизни эти сюжеты возникли, как выяснилось, не сами по себе, а по милости хозяйственников, руководителей некоторых курских колхозов и совхозов при непосредственном участии местных ремонтников. Их-то и следует признать подлинными творцами публикуемых здесь рисованных сюжетов.

Например, живописные побеги никогда бы не украсили нежной листвой изображенные на первом рисунке тракторы, если бы в хозяйствах Мантуровского и Поныровского районов подумали не о декоративной, а о ремонтной стороне дела.

И не легли бы на мягкую, дымящуюся, свежевспаханную борозду металлические детали, если бы не щедрота душевная работников Большежировских спецмастерских. Мастерские нарушают технологию сборки и регулировки узлов и механизмов и частенько дарят их земле-кормилице, как это показано на втором рисунке.

Буренки, утоляющие жажду весенней капелью,— эту веселую сценку создали в колхозе «Россия» Горшеченского района: когда неисправны поилки, заботиться о поголовье приходится весеннему солнцу.

Светлана МЕКШЕН

Милые сплетницы

Не бойся в жизни шатких лестниц,
что так бесхитростно скрипят.
Остерегайся милых сплетниц,
когда они кружком сидят.

Сведут нацеленным ударом
счет: кто с тобой и почему,
размер долгов и гонораров,
оценку званью и уму.

Кому-кому, а им всех более
вполне понятен каждый штрих
душевных мук, сердечных болей
и прочих тайников твоих.

Осведомленности запасник —
как подсудимого скамья,
где, как сказал когда-то классик:
«сегодня — ты, а завтра — я».

Стать их врагом едва ль решишься,
ценя безгрешности покой.
Но — глядь! — и сам вдруг обратишься
к ним за услугой кой-какой.

И что ж... Они сегодня в силе.
Свои своих не подведут.
Спокоен будь: за что купили,
за то тебя и продадут.

г. Липецк.

МОЙ КОММЕНТАРИЙ

КРЕСТОНОСЦЫ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Вы столько лет скрывали свое прошлое, что мы вас нашли только теперь.

В ФРГ различные объединения «бывших» устраивают слеты и пышные церемонии, на которых вручаются невостребованные до 1945 года «железные кресты» гитлеровского образца.

Чей подвиг отмечают,
Кого тепло встречают,
Кому несут цветы!
На сборищах вручают
«Железные кресты».

...Врывались темной тучей,
Ползли змеей гремучей,
Сжигая все окрест,
И свастики паучьей
Чернел зловещий крест.

Вот чествуют «героя» —
По снегу с поля боя
Бежал едва живой:
Был вышиблен из строя
В сраженье под Москвой.

Железная награда —
Двум выходцам из ада,
Отважным медным лбам:
В котле у Сталинграда
Им дали по зубам.

Умильная картина —
Возносят господина
За давний ратный труд:
На улицах Берлина
Храбрец кричал «капут!».

Звенят на слетах кубки,
Чадят на слетах трубки,
Тут каждый — юбиляр:
«Кресты» — за душегубки,
«Кресты» — за Бабий Яр.

Коллеги очень смелы:
За пытки и расстрелы —
Еще мешок «крестов»!
И вновь на картах стрелы
Любой чертить готов.

Хоть многие, как прежде,
С «крестами» на одежде,
И те же клич и жест —
На призрачной надежде
Давно поставлен крест!

Ник. ЭНТЕЛИС

Эр. ЭДЕЛЬ, специальный корреспондент Крокодила

Как я нанимался в продавцы

— Скажите, вам требуется продавец?

Товарищи из Псковского райпо радостно уставились на меня и не знали, как лучше усадить. Скоро меня как дорогого гостя помчали куда-то вон из Пскова. Все шло великолепно, пока не доехали до участка дороги между Карамышевым и Большим Загорьем. Попутчики завздыхали: тут в распутицу ужас — жирное месиво по колено, машины — и кооператорские — приклеиваются, как мухи к липучке. Хорошо еще, ежели на отхожий промысел выйдет трактор из колхоза «Мир», дашь на «красненькое» — вытащит. И не одна такая ловушка на дорогах...

Вот и деревня Мелетово, куда лежал курс. Подходим к бревенчатому магазину с вывеской «КООП» и с солидным замком. Здесь я вроде и могу отличиться, торгуя на радость населению и во славу потребкооперации.

— Уж полгода бывшая продавщица на пенсии...— грустят кооператоры.— Выручай, друг, хоть сегодня приступай!

— А какие условия? — пытливо спрашиваю.

— Дворов десятка полтора,— отвечают, отводя глаза в сторону, наниматели,— торговля поэтому слабая, заработок у продавца рублей семьдесят...

— Ну, а для души что же? — захожу с другой стороны.

— Эх, работала тут раньше и молодая, да заругалась: «Опухать стала. От сна. Кроме как спать, и делать нечего. Отпустите с миром, не то нарочно недостачу сотворю!»

Деревня Мелетово, узнаю, так называемая неперспективная, но таких множество, из них людей в перспективные переселять надо. Да когда это еще будет. А обслуживать надо. Но и там, где в деревушках есть магазины, продавца найти крайне трудно.

Вот и я заскучал как-то. Похоронить свою сравнительно молодую жизнь в глуши?.. Поживее бы мне что-либо.

Тут я замечаю в сторонке серый ГАЗ-фургон, а около — толпу. Вижу, что фургон — автолавка, по-нынешнему — автомагазин.

— Продавца к нам в Мелетово давайте! — требовательно шумят женщины из очереди. Так они и стоят в любую погоду. Хоть бы навес какой, что ли, соорудить?

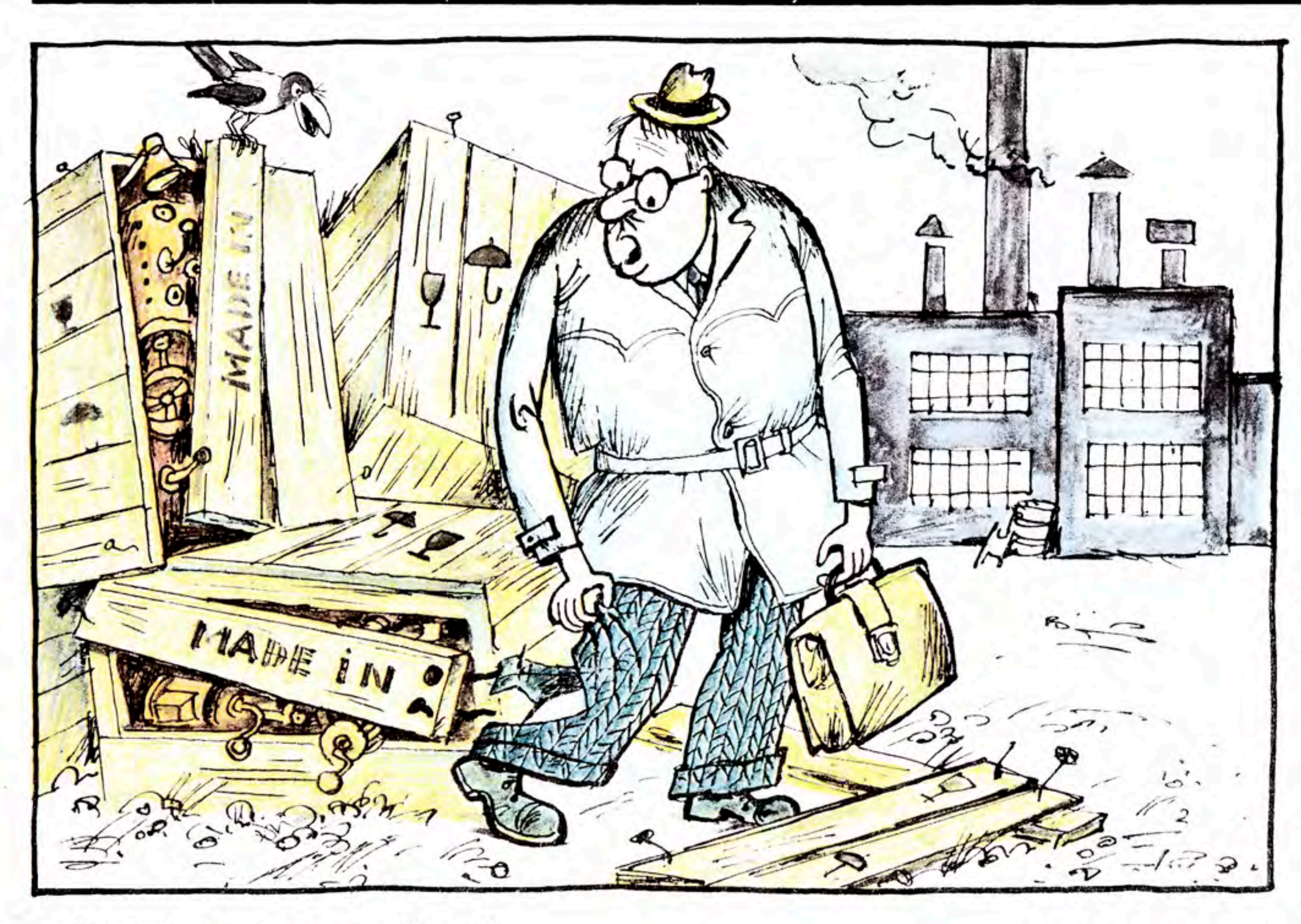
«Товары повседневного спроса» — от хлеба до спичек — население бодро закупает на неделю вперед, чаще автомагазин не может навещать Мелетово. Но все равно спасенье и спасибо великое! А то бы топать на центральную усадьбу совхоза «Лесные поляны» — не близкий-то свет.

— Ух, хорошее дело — автокоробейник! — волнуюсь я.— Стану-ка я им!

Тогда мне советуют попытать счастья, например, в Опочецком районе. Везет! В качестве стажера еду на автомагазине № 3. Мой симпатичный наставник профессию хвалит, а фургон хает. Протиснувшись внутрь, обнаруживаю ужасную тесноту и неприспособленность всего, полусломанные полки, буханки кладем на пол, на бумажку, а куда их денешь еще? Кроме того, темно, проникает дождь, фургон, слышу, служит куда меньше, чем шасси...

В деревне Жгуново колхоза «Урожай» торгуем прямо у животноводческого комплекса чем «КООП» послал. Выглядываем из махонькой дверки, словно скворушки из скворечни. Немногие образчики из привезенного удалось положить кучкой под локтем — вроде бы витринка.

Находясь на опочецкой земле, выясняю торговую конъюнктуру. Расклад таков: деревень — 540, магазинов — 70. Значит, масса жителей добирается до них за несколько километров. Почему так? А потому, объяснили мне, что так велит научно обоснованный принцип распределения торговых точек, с учетом рентабельности и прочего. В хилом населенном пункте держать магазин невыгодно (да если и скрепя сердце держать — продавцов нету, как в Мелетове). Поэтому считают так: складывают квадратные метры площади во всех магазинах области и смотрят, сколько этих метров приходится на 1000 жителей? (В Псковской области, замечу, норма метров почти выполнена.) А где находятся метры — дело десятое. В натуре может быть и так: в райцентре кооперативный универмаг аж на тысячу кв. м — вот вам и весомый вклад в выполнение районной нор-

— О ужас! Мои импортные брюки!

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

крокодил помог

«СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!»

(№ 22, 1978 г.)

В фельетоне «Спасите наши души!» Дм. Иванова и Вл. Трифонова говорилось о катастрофическом вымирании зубров, завезенных в киргизский заповедник Сары-Челек для проведения научного эксперимента. Главное управление по охране природы Министерства сельского хозяйства СССР установило специальной проверкой, что факты подтвердились.

В урочище Сары-Камыш начата закладка новой плантации для зубров, расширена сеть солонцов. Наблюдение над зубрами поручено научному сотруднику заповедника. Главное управление обратилось в АН Киргизской ССР с просьбой оказать помощь заповеднику в проведении научных исследований по этим уникальным животным.

«НА СВОИ МЕСТА»

(№ 34, 1978 г.)

Гражданка Петрова из города Воронежа приобрела диван и два кресла Усманского мебельного комбината. Через месяц у дивана лопнули пружины, обивка у кресел расползлась по швам. Об этом шла речь в одноименной заметке.

Директор Липецкого мебельного

мы, а что от универмага осталось — приходится на сельские магазинчики...

— Раз так, тем более да здравствует разъездной продавец! — сообразил я.— Удобно и выгодно! Автомагазин в месяц продает товару на семь — девять тысяч рублей.

Но нет, не светила мне такая прогрессивная работка. В районе всего пяток магазинов на колесах, продавцы на месте — зарплата хороша.

Тогда я поехал наниматься в облпотребсоюз. Там меня еще больше разочаровали: найти место автокоробейника в области вряд ли удастся. Хоть на более чем десять тысяч деревень есть менее полутора тысяч торговых точек, да автомагазинов мало — числится их сотня.

— Нам бы еще сотенку,— размечтались в облпотребсоюзе,— хоть и устарела конструкция до невозможности.

...Тут я понял: придется снова превращаться в журналиста, и потому в Москве, в Роспотребсоюзе, угодил тоже в разгар сладких мечтаний. О новом автомагазине. О более вместительном, светлом внутри. Не боящемся сельских дорог. В который не проникали бы пыль и дождь. Где бы ласкали обогреватели и освежали вентиляторы, а продукты берег бы холодильник.

Я тоже поддался грезам и наивно воскликнул:

— Да скоро ль помчатся комфортабельные красавцы?!

На это мне ответили в Министерстве автомобильной промышленности СССР: нет, в обозримом будущем не помчатся, новых разработок не ведем. Ну да, показывали якобы улучшенный образец, мало отличный от старого, и торговля его не приняла. Обещались сделать следующий — так через годик...

Министерство большое, забот хватает, не дошли, видно, по-серьезному руки до современных торговых колес для Нечерноземки, как ее ласково называют иной раз.

Псковская область.

комбината [в ведении которого находятся усманские мастера] тов. И. Глебов сообщил редакции, что покупательнице возвращены деньги за недоброкачественную мебель.

За недопустимую задержку при рассмотрении жалобы тов. Петровой старшему инженеру ОТК тов. К. Коровину объявлен выговор.

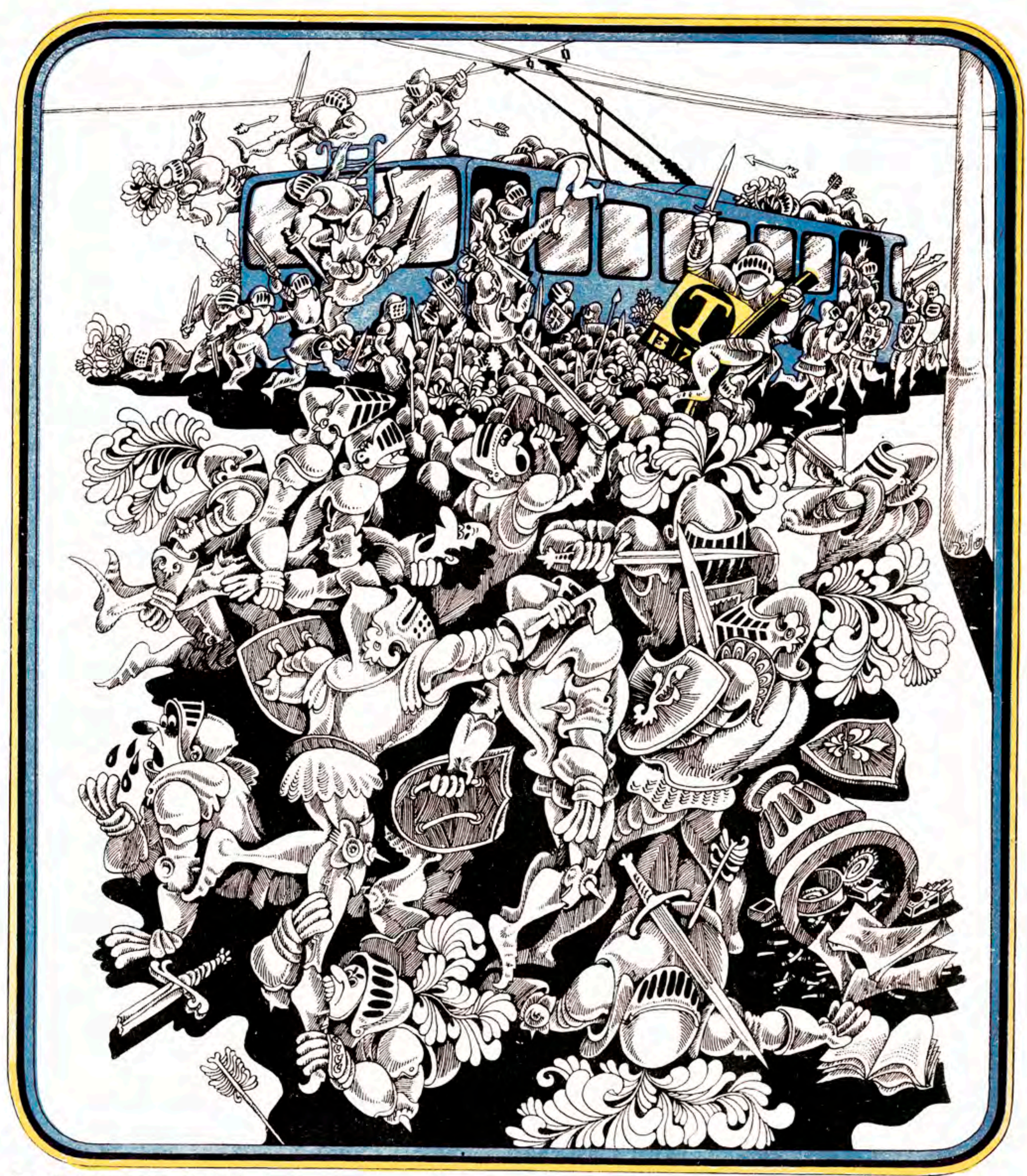
За недобросовестное отношение к своим обязанностям и появление на квартире покупательницы в нетрезвом состоянии столяру тов. М. Власову объявлен строгий выговор.

«ЭТИ НЕДАЛЬНОВИДНЫЕ ТИТ ТИТЫЧИ»

[№ 32, 1978 г.]

Тит Титычи — это те, кто возвел корпуса Осташковского кожевенного завода. Давно это было — почти 250 лет назад. С тех пор корпуса поизносились, устарели. Назрело «принятие срочных мер по реконструкции завода». Именно так решительно было сказано в приказе по Минлегпрому СССР. Еще в 1967 году. Затем были и другие приказы. Не было только конкретных мер по реконструкции.

На фельетон откликнулся заместитель министра легкой промышленности СССР тов. А. Адомайтис. Он сообщил редакции, что в этом году будет разработано технико-экономическое обоснование на реконструкцию кожевенного завода. После чего будет подготовлен проект реконструкции, которую осуществят в 1981—1985 годах.

ПОСАДОЧНОЕ ПОБОИЩЕ

Рисунок Л. НАСЫРОВА

КАК НАСОЛИТЬ КОЛЛЕГАМ

И труженики курортов мечтают об очередном отпуске, когда можно отдохнуть от своих отдыхающих. Предположим, что некоторые сотрудники черноморских здравниц получили путевки на Ершовский курорт имени В. И. Чапаева в Саратовской области.

— Позвольте, разве можно отдыхать в такой грязи? Даже воды в водопроводе нет,—изумились бы черноморские гости.

Правда, кроме обыкновенной грязи, на Ершовском курорте имеется и лечебная. Но, увы, пользоваться ею нельзя: нету горячей воды.

— Ну ладно, не будем лечить ревматизм, но хоть душе есть где отдохнуть?

— В клуб идти не советуем,—сочувственно покачали головами волгоградцы А. Филиппов и М. Муравьев.— Рискуете сломать ноги. Вся территория заросла бурьяном и завалена строительным мусором.

И предположим, что отпускники с Черноморья побежали жаловаться главному врачу курорта М. Каспаряну.

— Нету Мурата Генриховича, — остановила паломников уборщица тетя Маша.—В очередном отпуске.

— Ну, а если он поехал к нам, в пансионат,— позлорадствовали коллеги из геленджикского пансионата «Приморье»,—устроим ему там закалочку на сквозняке!..

Да что там «Приморье»! Если товарища Каспаряна занесла нелегкая по курсовке курортной поликлиники, что находится на улице Калинина, на Анапский курорт, он вообще остался бы без крыши над головой. А чтобы получить кров, необходимо выстоять громадную очередь. Да по совету жительницы г. Ижевска Э. Корляковой, которая отдыхала на Анапском курорте, не помешало бы ему взять с собой лишнюю пару обуви, так как жилье получит он в одном конце города, лечение — в другом, а питание — в третьем.

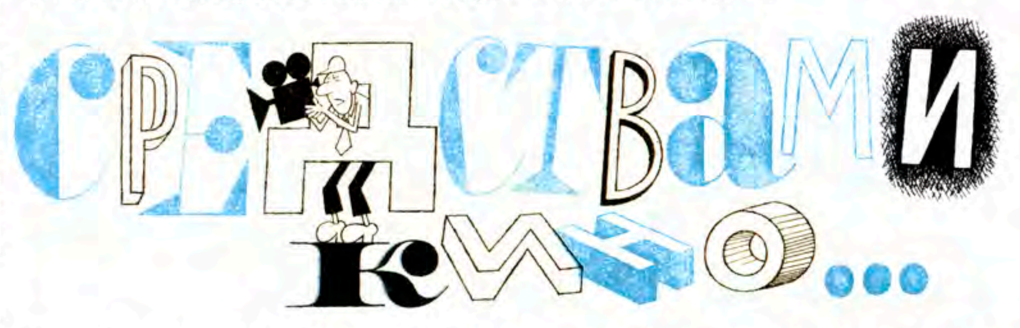
Так что понять Мурата Генриховича, готового отомстить своим нерадивым хозяевам, можно.

— Приехали, да? Ох, и смешаю же я вас с лечебной грязью...

Уж кто-кто, а работники упомянутых курортов насолить друг дружке могут! Но зачем же от этого страдать рядовому, ни в чем не повинному курортнику?..

Н. СЕРЕБРЕННИКОВА

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

Все будет в этом фельетоне, решительно все: прокрад на цыпочках, поимка с поличным, взлом помещения, леденящие кровь обличения и звонок женским голосом. По всему по этому вы догадались, что речь, конечно, будет о кинохронике.

Здесь провидит автор, как со всем возможным дрекольем и мухобойками бытовыми кинутся на него широчайшие массы хроно-документалистов, и восьмимиллиметровые любители, и тридцатипятимиллиметровые профессионалы, чернобельщики и цветовики.

— Ну,— скажут они,— был, да, был в 1932 году сокрушительный фельетон двух известных соавторов про кинохронику — так ведь с той поры все наладилось. Нынче хроника жизнедеятельна и на гребне большой волны!

И представят в тысяче жестяных коробок подтверждающий классный материал. Перед тысячей этих коробок умилился бы, прошел мимо фельетонист, посчитал всю без исключения хронику классной, да ударило в набат руководство «Центрнаучфильма».

— Ба! — прицелившись перстами в угрожающее явление, сказало руководство.— Вы же гляньте, что происходит. Теоретики кино твердят, что профессионалы окажут воспитующее влияние на скороспелое кинолюбительское гуляй-поле, ан, выходит наоборот. Под воздействием лавины безликих любительских фильмов профессионал снижает критерии! Ну, вы гляньте на наших записных режиссеров! Как плоско все снято, как уныло, ходульно, с кондачка, если на то пошло. А уж режиссер Леонид Островский — это ниже всякой критики.

— Ну, что вы говорите — ниже. Даже значительно ниже, чем ниже,— сказали сподвижники руководства.— И тут ничто не спасет нам вверенный жанр, кроме влития свежей крови. Значит: режиссеров сменить на новых и привлечь редакторов новых и сценаристов новых.

Враз со вкусом развернулось переновление творческого состава. И к режиссеру Островскому, уже затевающему плановые съемки фильма «Инпродторгмаш-78», подошли, дружно кучкуясь, строгие люди.

— Примите в сторону, динозавр,— сказали они.

— Безобразие! — закричал режиссер Островский.— Где пикет оцепления? Мне мешают! В конце концов я снимаю фильм!

— Ничего больше вы не снимаете. Вы отстранены, вся группа. Режиссер будет новый, редактор новый, сценарист новый. Вот тот товарищ у нас по внесению свежей струи в кинохронику, а вот этот по открытию ей второго дыхания.

— Но позвольте! — как к более сдержанному и располагающему обратился режиссер к свежструисту.— За что такая напасть на меня? Где мотивировки для отстранения? В конце концов мною сняты десятки полнометражных и короткометражных фильмов. Почти все они отнесены Госкино к первой группе!

Но тут набежали люди новой творческой волны и в процессе подготовки съемочного пространства вытолкали метра штативами.

Здесь, само собой, завился дым коромыслом, застрекотали камеры в руках свежструистов, но параллельно с этой работой все больше хмурился студийный народный контроль.

— Перво-наперво,— говорили народные контролеры в дирекции студии,— эта ваша свежая кровь, этот сценарист Латий Е. А.— он нам не нравится. И рекомендовал его совершенно неизвестно кто, и в авторской карточке у него про возраст, образование и творческое лицо концы с концами не сходятся. А фильм, между прочим, делается для миллионных аудиторий. Внутри- и внешнеполитического звучания фильм!

И другой орган «Центрнаучфильма» ударил в набат — бюро режиссерской подсекции. И записало в решении это бюро, что, изучив досконально все факты, считает: отстранение от съемок группы Островского вызвано вовсе не желанием сделать фильм лучше, а является очевидным административным преследованием за критику, допущенную на собрании режиссером Островским в адрес руководителей «Центрнаучфильма».

— Ну уж! — заминая, однако, вопрос об опале за критику, сказал директор «Центрнаучфильма» В. Н. Рябинский.— Так уж вот народному контролю подозрителен новый сценарист фильма Латий! А он, вот дождетесь, на едином дыхании создаст свежий, впечатляющий, развернутый творческий документ. И еще потому мы даем зеленую улицу новой съемочной группе, что отстраненный от фильма кинометр Островский запятнал себя грязным поступком: шесть лет назад во дворе срубил дерево. И, товарищи, более того: досье об этом изуверском поступке хранилось на студии у тов. В. Виноградова, но не далее двух дней назад Виноградову было позвонено женским голосом, якобы его вызываю я. И когда Виноградов, установивший, что вызов преступно лжив, вернулся в свой кабинет, он застал злодеяние и уголовщину: кабинет был вскрыт, досье об усекновении дерева выкрадено! А?

— Кино! — сказали народные контролеры.

Но не стала связываться дирекция, дерзкий возглас оставила без последствий. А потом начались еще возмущения сценарием в среде творческой общественности студии.

— Пусть! — горько реагировали на это в дирекции.— Пусть ретрограды лютуют. Под издевательский регот мы создадим новаторский фильм.

И действительно, прорва в нем получилось нового, доселе невиданного даже в системе кино. Так, если прежде сценарист, птичьи покрутив головой, нет ли кого позади, втиснет в сценарий для упрощения трудов один абзацишко из технического проспекта — и рад, то тов. Латий, «свежая кровь», про-

«ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»

Рисунок **А. БУДИЛОВА**

сто передул в сценарий проспект выставки «Инпродторгмаш-78».

Но все же, согласитесь, это была бы сухомятина, пляска голой цифири. Так зря ли Латий приблизительно знает термины «стоп-кадр» и «панорамирует»? И вот, чтобы злые языки прикусились, в сценарии «белыми клубами поднимается вверх белый пар», «стендист что-то объясняет молодому человеку, записывающему в свой блокнот какие-то данные», горят там и сям «световые пано», стоят здесь и здесь «стелажи», затем «камера фиксирует рисунок — виноградная гроздь, переходящая постепенно в бочки с закупоренными пробками». Вся эта композиция находится в большом бокале, вокруг которого разбросаны виноградные гроздья. Рисунок как бы усыпан каплями натурального сока». Ну и неизбежно «за рекламными световыми вспышками появляются вспышки фотокорреспондентов». И, конечно, надлежащий дикторский текст: «Чем дальше мы углубляемся в историю, тем необычнее становится картина питания человека». И вовсе стендалевской глубиной шибается это: «Пища всегда была нашей естественной и неизбежной потребностью».

— Крепко,— сказал про сценарий директор студии тов. Рябинский.— Крепко сработано.

— А позвольте,— профан профаном спросил ваш корреспондент.— А как же само название фильма — «Инпродторгмаш-78»? Ведь про это самое «ин» в сценарии ни строки! А ведь участвовали в выставке четыреста фирм из двадцати трех стран мира!

— Ну,— уже немного уставая, сказали в директорате студии,— это будет доучтено. Фильм-то выйдет аж через полгода после закрытия выставки, когда о ней уже позабудут. Зато оцените, какой светлый сценарный конец! Традиционалистам из группы Островского нипочем бы не поднять такой пласт! Какой спай патетики и элегики! «Наконец выставка пуста, совершенно безлюдна. После такого пробега по всем разделам, после выставочной суеты, разговоров и движений оставшиеся одни машины и агрегаты кажутся одинокими, заброшенными. Неожиданно у входа появляется группа детей. Малыши держатся за руки по двое; они друг за другом проходят турникет и гуськом направляются по аллее в сторону выставки. Камера остается на месте, а малютки с каждым шагом удаляются от оператора». Это на все сто дерзновенно и ново. Или вы против детей?

— Ни в коем разе! — сказал панически ваш корреспондент.— А «гуськом» — это даже войдет в анналы кино.

— То-то! — удаляясь гуськом, сказало все множество ответственных лиц, скрепивших подписями «в производство» сорок семь страниц нелепого текста, лишь бы дать острастку всем критицистам и навсегда приструнить.

Ю. ШАНИН

МАДРИГАЛЫ

Феликсу КРИВИНУ

Оживит башмак и воду в кране!
Кривину лишь тему и перо дай,—
И сотрутся моментально грани
Между мертвой и живой природой.

Владимиру СОЛОУХИНУ

То дубравой, то музеем рыщет.
Сударь! Ты побольше нам пиши
Книг о вкусной и здоровой пище —
Как для тела, так и для души.

И. ГРЕКОВОЙ

Читают. Чтут. На книги спрос.
По вышеназванным причинам
Она давно утерла нос
Иным прозаикам-мужчинам.

ГЛАЗ да ГЛАЗ
В долине нарзанов

Прошлый год порадовал нас двумя книжными новинками: «Невидимый океан» А. Карцева и С. Вагина, издательство «Недра», и «Самая удивительная жидкость» А. Меркулова, издательство «Советская Россия».

Новое еще состоит и в том, что на некоторых страницах авторы повторяют друг друга слово в слово. Вот как, например, описывается поездка по Военно-Грузинской дороге:

«Когда едешь по Военно-Грузинской дороге, трудно не остановиться и не выпить шипящей воды из бьющего из-под земли родника. В Долине Нарзанов (нарзанов) под Кисловодском их изобилие (несметное количество). Можно подолгу смотреть (стоять около них и смотреть), как, клокоча и пенясь, стекает вода источника (из источников)...»

В скобках даны отличающие первую книгу от второй слова и фразы. Нетрудно заметить, что фантазия небогатая. Поэтому невольно напрашивается вопрос: кто из авторов раньше проезжал по Военно-Грузинской дороге?

А. ЗУБЕНКО.
г. Москва

РЕКЛАМНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРВОЕ ДЕЛОВОЕ СВИДАНИЕ

ЭКСКУРСИЮ ВЕДУТ ЗНАТОКИ
КРЮЧНИКИ XX ВЕКА
ЗОЛОТЫЕ РУБЛИ — МЕРТВЫМ ГРУЗОМ
ТВОРЦЫ БУМАГИ ПРОТИВ БУМАГОТВОРЧЕСТВА
НЕСБАЛАНСИРОВАННЫЙ БАЛАНС

«КРОКОДИЛ» РОДИЛСЯ ОДНАЖДЫ — в бывшем трактире купца Воробьева в Охотном ряду 57 лет тому назад.

«КРОКОДИЛ» РОЖДАЕТСЯ ПОСТОЯННО — в цехах Камского комбината ежедневно и ежечасно.

Поэтому, приближаясь к гостеприимному транспаранту «ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ТРУДОВОЙ КРАСНОКАМСК!», Крокодил вспоминал, как складывалась

БИОГРАФИЯ ПОДШЕФНОГО

Шоссе возвышается над заснеженной равниной Прикамья. Машина идет как бы по дамбе, проложенной над болотными топями. Так оно, впрочем, и есть, только дамба эта не из песка и не из гравия. Под нами многометровый слой слежавшейся, умятой, притоптанной коры, десятилетиями вывозившейся сюда с комбината после окорки древесины.

Сегодня тяжелые самосвалы катят по асфальту, покрывающему этот, кажется, зыбкий фундамент, как по бетону.

Не так ли монолитно спрессовано во времени и напластование событий?

ИЮНЬ 1929 года: постановление Президиума ВСНХ РСФСР о подготовке к строительству целлюлозно-бумажного комбината в районе г. Перми.

...Был сосновый бор, протянувшийся между деревнями Стрелка и Конец-Бор. Охотники промышляли в чаще глухарей и рябчиков, а на окрестных болотах уток. Полянки были усыпаны бисером голубики и брусники, в нехоженых травах подремывали грибные семейства, перезревала на болотах вишневой ядрености клюква. Тихо было.

СЕНТЯБРЬ 1929 года: правительственной комиссией выбрана площадка для будущего комбината и рабочего поселка. Начата постройка складов, контор и других помещений. Создано управление строительством.

...Стало шумнее. На крутом песчаном берегу Камы замаячили первые землекопы и лесорубы, каменщики и плотники: сооружалась пристань Бумстрой. На площадку комбината стекаются крестьяне и молодежь из ближних деревень. Жилстроительство: палатки, землянки, бараки. «Да, спали и в палатках, хотя это при уральской зиме штука мудреная» (ветеран комбината С. М. Ширинкин).

ИЮЛЬ 1930 года: торжественная закладка комбината.

...Невдалеке от стройплощадки кулаки подожгли лес. Загорелся торф. Разраставшийся пожар удалось потушить с помощью вызванных войск.

...Пермская газета «Звезда» создала на стройке выездную редакцию и наладила выпуск печатного листка с сатирическим уклоном — бичеванием лодырей и волокитчиков.

АПРЕЛЬ 1932 года: коллегия Наркомлеса постановила выделить Камбумстрою 8 инженеров и техников, а также 2 грузовика, 2 гусеничных трактора, 2 лесопильные рамы, 3 лодочных мотора... «Организовать цех по производству деревянных труб с целью максимальной замены ими металла»...

...Бывало так: надо привезти продукты с железной дороги, а лошади не тянут — голодны и больны. Тогда строители сами впрягались в сани. «И не только продукты, а частенько и материалы для стройки возили таким же образом, на себе» (ветеран комбината В. А. Черепанов).

АВГУСТ 1934 года: ленинградский завод «Вторая пятилетка» изготовил первую советскую бумагоделательную машину для Камского комбината.

...Она и сегодня погромыхивает своими валами и цилиндрами, исправно отливая рулоны оберточной бумаги. Действующий макет ее установлен в Народном краеведческом музее Краснокамска; там же, в соседнем зале, под стеклом бивень мамонта, откопанный на стройке комбината в те же годы.

3 ФЕВРАЛЯ 1936 года: первая советская бумагоделательная машина дала первый рулон камской бумаги.

...Монтаж машины вели при временном печном отоплении: еще не была пущена Закамская ТЭЦ. «А когда пришла пора пуска, подогнали два паровоза и дали в машину пар» (ветеран комбината В. Е. Рогачев).

Когда забьет нефтяной фонтан, буровики умываются нефтью. Когда пойдет с машины первая бумага, все, кто рядом, пробуют ее на разрыв, на зуб, разглядывают на свет, ощупывают ее, словно искрящийся шелк или драгоценный мех. Конечно, так было и в тот день.

Мы подъезжали к проходной комбината, протянувшегося вдоль правого берега Камы. Полувековая его биография зрима и явственна: вон старые, потемневшие от времени корпуса, вот новостройки. Гигантские котлы и чаны, переплетения труб, подъездные пути, транспортеры, краны — где тут в этом индустриальном заповеднике путеводная нить?

Наверное, мы скорее нащупаем ее, если двинемся

К СВЕДЕНИЮ

министерств, ведомств, строительных, снабженческих и других организаций, связанных с Камским комбинатом деловыми отношениями:

На комбинате создан Крокодильский контрольный пост (ККП), который будет поддерживать постоянную связь с редакцией журнала и оперативно сообщать обо всем, что мешает нормальной работе, успешной реконструкции и техническому перевооружению комбината.

Просим иметь это в виду. На всякий случай...

ВСЛЕД ЗА ЕЛОЧКОЙ

В тайге Северного Урала родилась елочка, в тайге она росла... А потом, как повелось, спилили нашу елочку леспромхозовской пилой «Дружба» под самый корешок, и обрубили ей сучья, и вывезли ее на сортировочный рейд, и увязала ее сплоточная машина вместе с другими елочками в пучок, а из пучков составили шлюзуемые единицы, а уж из них — плоты и, наконец, плотокараваны...

Всякая деятельность вырабатывает свой язык. И смотрите: едва успели мы добраться вслед за бедной елочкой до берега реки, как уже оказались накрепко спеленаты специальными понятиями лесосплава. А как проплывет елочка вниз по Вишере да по Каме за буксиром-плотоводом, что вывозит весною с зимних плотбищ древесину зимней сплотки, и дотянет до Краснокамска, до лесной биржи комбината, тут уж попадет она в такую переделку, что останется от нее одна формула с латинскими литерами. Из каковых, хоть разбейся, никакого комизма не выжмешь.

Что поделать, такова черствая производственная проза. И как ни старайся мы обойтись вовсе без нее, чтоб не досаждать вам, уважаемый читатель, сухими техницизмами, все равно не сумеем. Ибо как еще, к примеру, назвать дефибрер, кроме агрегата для размола древесины на волокно, мы не знаем. Даже слагая совсем, казалось бы, бесхитростный

ГИМН БРЕВНУ

А начинается гимн со слешера. Значит, так. Слешер — это приемный агрегат для распиловки древесины. Оттуда бревна плывут по системе каналов-гидролотков в цех, разделываются там на балансы и попадают затем в ужасные окорочные барабаны, которые дочиста обгладывают с них кору. Отсюда белые, голенькие бревна возвращаются по скребково-кабельному конвейеру на биржу и сваливаются на кучу — высоченный бревенчатый холм.

По мере надобности бревна с кучи поступают в упомянутые безжалостные дефибреры. После чего от них (бревен, а не дефибреров) остается мокрое место в виде волокнистой кашицы, именуемой древесной массой.

А в это самое время в другом цехе рубительные машины измельчают другую древесину, превращая ее в технологическую щепу. Потом щепу варят в котлах с сернистой кислотой, отчего она превращается тоже в кашицу — в целлюлозу. И вот уже обе кашицы попадают в регулятор композиции. Это вроде крана-смесителя у вас на кухне, только регулируется здесь не температура воды, а состав смеси: какой кашицы для данного сорта бумаги нужно больше, а какой меньше...

И наконец бумажная масса через напорный ящик идет в машину.

Перед этой двухэтажной, громово грохочущей громадой шапка сама сползает с головы, и сами собою слагаются беззвучные — из-за того грохота — панегирики техническому прогрессу вообще и бумажному в особенности. Эх, буммашина! чудо-машина, кто тебя выдумал? Паром парятся над тобою вентиляционные короба, гремят гранитные валы, ровнем-гладнем изливается рыхлая, пенная масса на бронзовую сетку, и летит в отжимные прессы, и змеится меж сушильных цилиндров, и вот уж вырывается из неведомых твоих недр сухое и плотное бумажное полотнище...

Так — в самом общем виде — заскорузлое бревно становится трепетным белым листом журнала и книги, несущим на себе через годы и расстояния живое биение мысли и чувства, спокойную мудрость научного знания, седой опыт человеческой истории.

Бревно стало бумагой — хлебом культуры.

Так смотрится бумажное производство на Камском комбинате в принципе, то есть при том условии, если все маховики и шестеренки крутятся, как надо, а все бревна плывут, куда положено. Но, как известно, ершистая действительность не всегда соответствует гладенькой схеме. И, совершив рекогносцировочный вояж по комбинату, мы обнаружили

ПРОГРЕСС В ЯЩИКАХ

В сопровождении знатоков мы идем меж цехов и служб, вдыхая незнакомый сладковатый аромат свежеразмолотой древесины и горьковатый запах только что отлитой и прокатанной бумаги. И вот она перед нами, лесная биржа.

Гигантская куча баланса действительно напоминает пирамиду Хеопса, а штабеля еще «сырых» бревен таковы, что в те времена, когда ходили паровозы, их наверняка хватило бы, чтобы раскочегарить все паровое тягло Урала.

— Ого! — изумленно восклицаем мы.— Да тут, верно, запасов не на один год!

— Вашими бы устами...— охлаждают нас знатоки.— Вот если бы мы исправно получали лес и щепу еще и по железной дороге,— куда бы ни шло. А то второй месяц на голодном пайке...

Погрузчики и краны опускают бревна в гидролотки, и они, лениво покачиваясь, плывут к деревоперерабатывающим цехам. Вдоль каналов неторопливо прохаживаются рабочие и длинными баграми регулируют движение по этим водным мини-артериям.

— Ну прямо Венеция, да и только! — не выдерживаем мы.

— По виду, может быть, и Венеция,— снисходительно соглашаются знатоки,— а на деле — самое узкое место в нашей технологической цепочке. Баграми много не наворочаешь. Лесная биржа и система подачи сырья остались почти неизменными со дня пуска комбината. Требуется коренная реконструкция...

Мы прикусываем языки, и это тем более уместно здесь, в древесно-подготовительном цехе. Наверху, под самой крышей, в огромных барабанах с треском и гулом перекатываются бревна, со скрипом и скрежетом тащат лес транспортеры. Тут кричи хоть во все горло, никто и ухом не поведет.

Между всеми этими механизмами — металлические мостки, корабельные трапы и капитанские мостики. В следующем — древесномассном цехе мы взбираемся на самый высокий мостик и дружно ахаем:

— Вот она, современная техника!

— Вчерашний день! — мрачно откликаются знатоки.— Посмотрите-ка, как загружают дефибреры...

Мы вгляделись в темные глубины цеха и увидели: мускулистые, обнаженные по пояс богатыри крюками подцепляли бревна и ровными рядами укладывали их в сооружения, похожие на колодезные срубы.

— Неблагодарный, тяжелый ручной труд,— пояснили знатоки.— Такой же, как на лесной бирже, у гидролотков. Все труднее находить людей, которые соглашаются на такую работу. По плану реконструкции все это должно быть механизировано... А теперь пройдемте на бумажное производство.

Знатоки по очереди исчезли в лабиринте свистящих и шипящих паро- и воздухопроводов.

— Ну, была не была! — махнул рукой один из нас и пополз вперед на четвереньках. Вслед за ним двинулся другой. От труб веяло жаром. За воротник капала горячая вода. В облаках пара можно было заблудиться, как в том девственном бору, который шумел полвека назад на этом самом месте.

— Ау! — кричал один из нас.

— Эге-гей! — откликался другой.

Мы выбрались наконец из лабиринта и оказались лицом к лицу с бумагоделательной машиной № 1. Вернее, с тем, что когда-то ею было. Меж россыпей валов, шестерен, колес и прочих деталей похаживали с ключами в руках ремонтники.

— Реконструкцию первой буммашины,— сообщили нам знатоки,— следовало закончить еще в позапрошлом году. Но отдел оборудования нашего министерства все никак не мог разместить заказы на вентиляционное оборудование. Бился, старался и в конце концов... так и не сделал этого. Пришлось начать реконструкцию без него. Да вот почитайте.

И они протянули нам свежий номер комбинатской многотиражки «Камский бумажник» с заметкой старшего машиниста первой буммашины Н. Каракулова:

«Сроки поставки вентиляционных агрегатов не укладываются в сроки реконструкции бумагоделательной машины, поэтому пуск ее будет осуществляться со старой вентиляцией, которая не отвечала своим требованиям при скорости буммашины 450 м в минуту, проектная же скорость новой машины — 600 м в минуту. Кроме того, при реконструкции по приводу заложены все окна, за счет которых в летнее время наши условия труда немного облегчались. А если учесть тот факт, что на старой бумагоделательной машине даже при существовавших окнах стояли изматывающая духота и жара (температура достигала плюс 50°), а воздух был насыщен водяными парами, то на новой машине со старой вентиляцией и без окон работать нам будет очень тяжело».

Реконструировать эту машину должно было специальное подразделение треста «Главзападуралстрой» Минпромстроя СССР. Но строители заявили, что в такой тесноте, какая царит в цехах комбината, они работать не могут. И действительно, машины стоят рядышком, словно койки в больничной палате во время эпидемии гонконгского гриппа.

Наша крокодильская матушка — 4-я бумагоделательная — в соседнем зале. Любовно сработанная некогда ленинградскими машиностроителями завода «Вторая пятилетка», она и сегодня бодро-весело крутит свои валы, наматывая рулон за рулоном...

— Рады видеть тебя, дорогая, в добром здравии,— сердечно сказали мы ей.

— Какое там здравие! — отрезали знатоки.— Она, бедняга, вертится уже ровно сорок лет без передыху... Так что давно пора на заслуженный отдых. Да все очередь не доходит. После первой машины начнем реконструировать седьмую. Пройдемте...

«КАМСКИЙ БУМАЖНИК»

Крокодил на комбинате

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ — ВОТ МОЯ АНКЕТА:

ПРИЕХАЛ Я НА РОДИНУ...

БУМАЖНИКАМ КАМЫ

ОНИ ОБРАЗЦОВО ТРУДЯТСЯ НА РЕКОНСТРУКЦИИ БУМАГОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ № 1

Первый крокодильский листок, выпущенный шефами на комбинате.

Василий Ефремович РОГАЧЕВ — Герой Социалистического Труда. Ежегодно лучшим бригадам по выработке бумаги, картона и целлюлозы присуждается три почетных приза его имени.

НАШ ПОДШЕФНЫЙ В ЦИФРАХ

В 1936 ГОДУ КОМБИНАТ ВЫРАБОТАЛ 19,3 ТЫСЯЧИ ТОНН БУМАГИ.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОН ВЫПУСКАЕТ 280 ТЫСЯЧ ТОНН БУМАГИ В ГОД.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЫПУСК БУМАГИ ВОЗРАСТЕТ ДО 438,5 ТЫСЯЧИ ТОНН.

ПРИ ПОЛНОМ РАЗВИТИИ КОМБИНАТ БУДЕТ ДАВАТЬ ЕЖЕГОДНО 600 ТЫСЯЧ ТОНН БУМАГИ РАЗНЫХ СОРТОВ.

Мы двинулись было следом, но тут один из нас споткнулся о стоящий в проходе ящик.

— Что это у вас повсюду навалено! — в сердцах выпалил он.— Ящик на ящике!

— А в них детали и узлы новой седьмой машины,— подхватили знатоки.— Экстракласс! Импорт! Последнее слово бумтехники! Одна загвоздка: она уже год как не распечатана. Хотя по плану реконструкции должна была работать в этом году.

Мы вышли во двор и дружно чихнули. Вместо воздуха, пахнущего древесиной и свежей бумагой, мы вдохнули какой-то едкий газ.

— Это наше целлюлозное производство выбросило в атмосферу SO_2,— отчихавшись, пояснили знатоки.— Давно пора менять старые варочные котлы, да вот и тут реконструкция задерживается...

Всюду требовалась реконструкция. Без нее, ясное дело, невозможно долгожданное

ПРОЩАНИЕ С БАГРОМ

Наш подшефный наращивал выпуск продукции до 1975 года. Тут рост приостановился, а далее последовал спад. О том, что это должно случиться, знали давно.

Еще в 1971 году прозорливые дальновидцы разработали технико-экономическое обоснование реконструкции комбината. В 1972 году было утверждено задание на разработку технического проекта. В ходе этой длившейся четыре года разработки техническое обоснование утрясали и дополняли.

Но, конечно же, сами краснокамцы не могли оставаться безучастными к тому, как в конечном итоге будет выглядеть комбинат, какая судьба ему предначертана. Они то и дело тормошили Минбумпром, опасаясь, как бы чего там не упустили. Много раз, например, они просили не позабыть о жилищном строительстве. Потому как на предприятии более двух тысяч очередников на улучшение жилищных условий — около трети всех работающих. По многу лет ждут рабочие квартир и, не дождавшись, уходят на соседние заводы, где строят и жилые дома и детсады...

— Комбинат-то реконструируем, а кто на нем работать будет? — спрашивали краснокамцы.

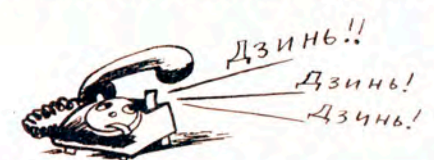
А в ответ слышали уклончивое:

— Да, понимаем, но дело в том, что жилье предусматривается под новое строительство. А у вас — реконструкция...

22 февраля 1977 года министр целлюлозно-бумажной промышленности приказом № 62 утвердил проект реконструкции Камского ЦБК. Специалисты Госплана одобрили его. А Главгосэкспертиза Госстроя СССР, детально изучив проект, подтвердила, что «затраты на жилищно-гражданское строительство... не предусматриваются».

Впрочем, сказать, что в проекте есть непоправимые упущения, было бы преждевременно. Два года исполнилось приказу министра, но реконструкция, по сути дела, еще и не развернулась. И неизвестно, когда развернется. Так что не поздно еще внести в проект поправки и в части жилищно-гражданского строительства.

А уж если говорить начистоту, то на сегодняшний день и судьба самой реконструкции даже в том виде, в каком ее утвердил министр, под вопросом. Министр предусмотрел глубокое и всестороннее перевооружение комбината. Но нет сейчас такой строительной организации, которая способна осуществить это перевооружение в намеченные сроки. Расквартированные в городе подразделения Минпромстроя СССР — генерального подрядчика — худосочны и малочисленны, они не справляются с теми скромными задачами, какие возлагались на них до сей поры. А коль необходимой строительной организации нет, то придется, видимо, ее создавать. Не бесконечно же, в самом деле, орудовать багра...

Извините, дорогой читатель, мы вынуждены на полуслове прервать наш рассказ. Телефонный звонок с комбината возвестил тревогу: запасы древесины на лесной бирже подходят к концу. Ни тебе баланса, ни щепы... Мы должны поспешить на помощь подшефному!

Впрочем, независимо от того, чем закончится этот неожиданный инцидент,

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Первая шефская бригада на Камском ЦБК, специальные корреспонденты Крокодила *А. ВИХРЕВ, А. ГОЛУБ, В. МОЧАЛОВ*.

Рисунок О. КОРНЕВА

СЛУЧАЙ СО СТРОИТЕЛЕМ

— Костюм в общем и целом носить можно, а недоделки со временем ликвидируем!

— А снег-то, оказывается, белый!

Рисунок Е. ГУРОВА

Мануил СЕМЕНОВ

ТЕЛЕФОННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек обзаводится знакомыми случайно, но от этого само знакомство порой не остается просто случаем, а перерастает в нечто большее. О таком знакомом я и хочу рассказать.

Где мы встретились? В больнице... Да, жизнь, к сожалению, до жестокости закономерна. Все в ней происходит последовательно: сначала идут школьные знакомые, потом знакомые по институту, конторе, фабрике, появляются турпоходные, курортные... А потом приходят больничные. Словом, наши койки стояли рядом. Так вот, мы лежали (кстати, заметили ли вы, что чем дольше живешь, тем больше лежишь?!) в одной палате. И он врезался в мою память так, как до того не врезался ни один однопалатник.

Не подумайте, что мой знакомый обладал одной из известных больничных особенностей. Не храпел по ночам. Не изводил бесконечными рассказами о своих действительных и мнимых недомоганиях. Не клянчил лишних лекарств и процедур. И все-таки врезался в память. Почему?

Он говорил по телефону.

Наша палата находилась рядом с застекленной будкой, стены которой были исчерчены множеством цифр и формул. В будке был маленький телефончик, который в 23 часа ночи отключался, а в 6 утра включался. Семичасовой отрезок времени давался для отдыха и остывания как телефончика, так и тех, кто им пользовался. Гуманная мера!

Однако моему соседу, Роберту Львовичу, и этот тайм-аут был недостаточен, чтобы остыть полностью. Случалось, что он ночью громко спрашивал:

— Алло, алло! Как меня слышите?

Так было ночью. А днем?

— Алло, алло! Вы меня слышите?

Ответ, очевидно, был утвердительным. Роберт Львович воодушевлялся.

— Ну и прекрасно. Кто говорит? Роберт Львович. Помните, прошлой осенью мы встречались в доме Петрашевских?

Видимо, прошлая осень с фамилией Петрашевского в памяти собеседника не стыкуется.

— Как же, там еще подавали паштет из консервированной горбуши, а вы приняли его за гусиный. И уверяли, что точно такой кушали то ли в Страсбурге, то ли в Конотопе...

По части закусок память собеседника действует более отчетливо. Значит, не теряя темпа, надо переходить к главному.

— На вечере был еще кавказец, то ли Тараселия, то ли Бабаян. Ага, точно — Агабеков. Так вот, не могли бы вы попросить для одного хорошего человека гобелентчик. Да, у Агабекова. В их фирме этих гобеленов навалом...

Пауза, во время которой Роберт Львович выглядывает из кабины и, убедившись, что по причине раннего времени никто из больных на телефон не претендует, снова крутит диск.

— Алло, Сашуня! Слышишь Робертика? Ну, как у тебя с реквизитом для Зинаиды Петровны?

Очевидно, с реквизитом глухо. Роберт Львович волнуется.

— Как же ты можешь, Сашуня, столько тянуть? Я уже гобелен для ее шефа толкнул, а ты не можешь девушке какой-то жалкий кожушок достать и мокасины. Не режь меня, Сашуня, не режь. Ну, так-то лучше. Привет!

Роберт Львович бодро набрал новый номер.

— Зиночка, приветствует вас пламенный поклонник и вечный раб. Да, Роберт Львович. Конечно, интересуюсь. Конечно, Кисловодском. Ах, вы еще не говорили? А я со своей стороны уже отстрелялся, можете доложить шефу. И вы не забыты. Что? Одежка? Нет вопроса. Обувка? Тоже заметано... А я жажду, Зиночка. Жажду погрузиться в нарзан, прогуляться по терренкуру и послать вам открыточку с видом храма воздуха. Целую ручки.

Тут необходимо одно пояснение. Дело в том, что Роберт Львович вознамерился сразу же после больницы отправиться в санаторий. Приближался конец года, а за Робертом Львовичем числился неиспользованный трудовой отпуск.

Но отпуск отпуску рознь. Он может быть пустым и бессодержательным, после которого остается в памяти только изжога от поджаренных на плохом маргарине санаторных котлет, и таким насыщенным, что дает запас впечатлений на целый год. Ясно, Роберт Львович презирал первую разновидность отпуска и жаждал второго, насыщенного. Потому-то он и стремился в Кисловодск. И не в какую-нибудь возникшую еще в нэповские времена «Кузницу здоровья». Он стремился в самый привилегированный санаторий, где собирается весь бомонд, где спальни, как княжеские покои, столовая, словно монастырская трапезная, а в каждой официантке такая же бездна очарования, как и в молоденькой монахине-послушнице. Вот о какой здравнице мечтал Роберт Львович. Но пока дело у него двигалось туго: где-то заедало, в каком-то звене длинной цепочки не контачило.

Роберт Львович крупными шагами ходил по палате и возмущался:

— Они мне предлагают Судак, понимаете. Какой кошмар! Будто я пахарь голубой нивы, как говорят по телевизору, или страдающий ревматизмом отставной боцман с рыболовного траулера. Заткнуть меня в такую глухомань, куда ни один крымский баклан не залетает. Скажите, похож я на боцмана?

Мне приходилось сознаваться, что совсем не похож.

— Или того поганее,— продолжал мой сосед.— Говорят мне: «Поезжайте на Арал». «А что там хорошего?» — спрашиваю. «Как же, говорят, разве вы не видели фильм «Белое солнце пустыни»? Ласковые бризы, жгучие небесные лучи, песчаные дюны». А зачем мне, спрашивается, дюны и барханы? Не верблюд же я в конце концов!

Все больше распаляясь, Роберт Львович метал громы и молнии против бездушных чинуш, которые ставят палки в колеса, не хотят, чтобы он отдохнул, где ему нравится. А именно в кисловодских то ли в «Синих камнях», то ли «Красных скалах». Ведь именно сюда съезжаются самые крупные работники, светилы науки и искусства, от которых можно узнать последние сногсшибательные новости, услышать тонкие анекдоты, где можно обзавестись интересными знакомствами, какие будут вызывать у сослуживцев чувство острой неутолимой зависти. Если нужно, в запальчивости говорил мне Роберт Львович, то он обзвонит всю Москву, а своего добьется.

Лишь приглашение к обеду прервало этот страстный монолог. Мы шли хлебать наш протертый суп. Постепенно гневные черты на лице моего соседа разгладились и появилось почти блаженное выражение. Приближался послеобеденный, то есть звездный, час Роберта Львовича. В то время, когда, отведав морковных котлет, все больные отдыхали, он блаженствовал: долгие шестьдесят минут никто не мельтешил у него перед глазами, никто не мешал. Можно было поговорить основательно, не спеша.

А тем для разговоров, помимо основной — путевочной, у него было множество. Самых разных. И угадать их не составляло труда, лишь только до меня доносилось начало разговора.

— Алло, Рубен! В вашей конторе еще мечут икру?

Сомнений нет: кому-то нужно срочно достать несколько баночек кавьяра.

— Валентин! Тебя случайно не задрали хищные рыси и не выцарапали глаза чернобурки? Тогда порядок...

Требуется укоротить (удлинить) дубленку, а может быть, поставить на пальто новый воротник. И Валентин способен это устроить.

Возможно, кое-кто из читателей примет Роберта Львовича за элементарного доставалу. Ошибка! Хотя доставание, проталкивание в телефонной деятельности моего знакомого и занимало солидное место, но им одним не ограничивалось. Роберт Львович по телефону советовался и, в свою очередь, давал консультации по житейским вопросам, информировал и информировался сам, улаживал возникавшие неурядицы и конфликты, а зачастую даже вел дискуссии по широкому кругу морально-этических проблем.

Как-то так случилось, что, несмотря на почти трехнедельное совместное проживание, я так и не узнал, чем занимается мой сосед по палате, где служит. Сам он мне не сказал, а спрашивать было неудобно. Впрочем, этого и не требовалось, я совершенно самостоятельно определил, что он из себя представляет. Роберт Львович, выражаясь языком аборигенов Севера, был телефонным человеком. Потому что в отличие от всех нас, простых смертных, относящихся к телефоноговорению лишь как к удобной форме общения, телефон для него был идолом, божеством, единственным средством самовыражения и самоутверждения на нашей бренной земле. Перефразируя известное изречение, Роберт Львович мог бы сказать о себе:

— Я говорю по телефону, значит, я существую.

Поистине он олицетворял собой удивительный симбиоз человека и телефона. Казалось, что маленький трезвонящий пластмассовый ящичек — прямое продолжение организма Роберта Львовича. Случалось, что наш больничный телефон, не выдержав чудовищной нагрузки, выходил из строя — тогда резко ухудшалось состояние моего соседа. Он лежал в постели не вставая, бледный, осунувшийся, и дежурная сестра в такие дни долго хлопотала вокруг него с грелками и горчичниками. Телефон включался — и больной оживал.

— Привет, душка! Сверкают ли по-прежнему твои карие глазенки? И не унес ли тебя какой-нибудь покупатель в рулоне обоев? А?

Нужно добыть для какого-то опять же нужного человека сверхмодные и супердолговечные обои. А о глазенках сказано просто для лирики...

Рано утром Роберт Львович, еще держа под мышкой градусник, выписывал на чистый лист своей записной книжки фамилии тех, с кем намеревался сегодня разговаривать по телефону, и ставил возле каждой черточку:—. И если результат разговора был положительным, перечеркивал ее. Получался крестик, знак плюса: +. А вечером подсчитывал количество плюсов и минусов. Если плюсы преобладали, то он радовался, как прилежный ученик полученным пятеркам. Ну, а когда набиралось многовато минусов, то у него немедленно подскакивало давление.

Персонал нашего отделения привык ко всему этому. Если процедурная сестра не обнаруживала Роберта Львовича в палате, то, не задавая никаких вопросов, молча шла в телефонную будку и делала ему укол там. А лечащий врач во время обхода обычно говорила:

— Няня, сходите в будку, оторвите Роберта Львовича от телефона. Я хочу его посмотреть, измерить давление.

Так продолжалось три недели. Я выписался из больницы раньше и оставил Роберта Львовича почти совсем выздоровевшего, веселого. Путевку в санаторий, где бомонд, интересные разговоры и встречи, он все-таки «выбил» и еще больше уверовал во всесилие маленького желтенького аппарата, стоявшего в застекленной будке рядом с нашей палатой. При расставании мы обменялись, как водится, телефонами и адресами.

Но позвонить ему я сумел только через пять-шесть месяцев. Ответила мне женщина, и по голосу я узнал супругу моего палатного соседа.

— Роберт Львович скончался,— грустно сообщила она.

Позднее я выяснил подробности. Оказалось, что Роберт Львович очень хорошо провел отпуск, был все время оживлен и очень деятелен. Но тут произошло что-то страшное: его домашний телефон о т р е з а л и. Конечно, по ошибке, спутав Роберта Львовича с каким-то злостным неплательщиком. Пока Роберт Львович бегал по разным конторам, добивался восстановления истины и справедливости, ему стало худо. Он слег и уже не смог оправиться от постигшего рокового удара судьбы. Так из-за нелепой случайности, из-за чьей-то злой небрежности оборвалась жизнь телефонного человека.

Я побывал на его могиле. Скромное надгробие хранит даты жизни. Кроме того, по желанию Роберта Львовича, высказанному перед самой смертью, на мраморной плите выбит и номер его домашнего телефона 122-150-61.

Но теперь вряд ли кто ему позвонит...

Так издыхают мифы

Есть мифы старые, как Мафусаил, и цепкие, как репей. Скажем, миф о добросовестном частнике. Если у частного предпринимателя имеется конкурент, гласит миф, то частник выкладывается, кряхтит, пыхтит, но доводит свой товар или услугу до высшей кондиции, чтобы потребитель не сбежал к конкуренту.

Но возьмем хотя бы для примера ремонт автомашин в США. Уж казалось бы! Да? Ан нет... **«Добывание запасных частей может свести с ума. Иной раз мастерские не в состоянии раздобыть нужную деталь неделями или даже месяцами, в то время как машина стоит без дела, а владелец выходит из себя»**,— свидетельствует американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». И еще оттуда же о том же: **«Из 50 миллиардов долларов, которые владельцы ежегодно тратят на ремонт своих машин, 20 миллиардов идут на ветер из-за недоброкачественного ремонта».**

Долгие годы качество автомашин и авторемонтные страдания порождали самое шумное и обильное извержение жалоб американских потребителей. Но ныне рекордсмен № 1 обойден и сдвинут на второе место. Вперед вырвалась строительная халтура и надувательство с продажей домов.

Известный уже нам «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» с грустью добивает вторую ходячую сказку—об американском доме-мечте: **«Люди во всех частях страны протестуют против серьезных дефектов строительства. В Лос-Анджелесе радость одной женщины по поводу переезда в новый дом стоимостью 54 900 долларов быстро обернулась горем.**

— Ужасно! — говорит она.— Вода потекла по стенам и электропроводке. Штукатурка на стенах потрескалась и отваливается. Дом становится непригодным для жилья.

Одна пара обратилась в суд Ричмонда, штат Мичиган, с жалобой на подрядчика. Среди дефектов, перечисленных ими, были: некачественная проводка, щели в полу, неработающий водопровод, скверные оконные рамы, которые невозможно плотно закрыть.

— Каждый день я ожидаю, что все рухнет на меня,— жалуется другой новосел.

Масса дефектов действует на нервы все новым и новым покупателям, вынужденным платить за свои дома огромные деньги...»

— Но позвольте, позвольте! — всполошится иной.— Тут что-то не то. Разве частный подрядчик не боится, что недовольный покупатель ославит его, подорвет его репутацию в глазах будущих клиентов, которые подадутся в конкурирующую фирму?

Нет, не боится. Американский частник знает, что его конкурент тем же миром мазан и тем же лыком шит, что и он сам. Лозунг «вложить поменьше, сорвать побольше» — общий для всех торговцев движимостью и недвижимостью в Штатах.

По сравнению с другими западноевропейскими странами — членами НАТО Англия тратит на гонку вооружений самый высокий процент национального бюджета.

ВЫШЕ КРЫШИ
Рисунок
М. АБРАМОВА

Спорт

ТУАЛЕТЫ В СОУЭТО

Казалось бы, все ясно в мире с интеллигенцией: что должна понимать и ценить о себе заботу. Но совершенно отпетая интеллигенция подрастает в Иоганнесбурге, от нее встают волосы дыбом.

Кровь, особо подчеркнем, с молоком, студентка Южноафриканского университета, ангел во плоти, вдруг пришла к властям да и брякнула: мне вынь да положь необходимо посетить стадион в негритянском пригороде Соуэто.

— Сударыня, — галантно до крайности сказал ей, кому надлежит,— вы в своем ли уме?

Здесь заверила белокожая сударыня, что донельзя в своем. Хочет посетить стадион для оттачивания своего мастерства. Перенять у кого-то невиданный спурт.

— Спурт,— сказал кому надлежит,— вам оттачивать ни к чему, потому что вам являть его негде. Все равно спортсменов из нашей дорогой ЮАР нигде в мире не принимают. Кстати сказать, сколько времени вы хотели бы провести на стадионе для небелых? До вечера?! При такой постановке вопроса, сударыня, мы тем более запрещаем вам стадион в Соуэто. День до вечера долог, а потребности — упрямая вещь. Вдруг у вас подступит потребность, а туалета для белых там нет! Так что, сударыня, не дозволим, нет-нет.

И не дозволили. Что и обнародовала газета «Иоганнесбург пост».

УБИЙСТВО ПО НАЙМУ

«Отличный убийца. За сходную цену прикончит любого. Способ и срок исполнения определяет заказчик. Обращаться за справками: контора мокрых дел Боба Джонсона». И дальше адрес.

Можно ли увидеть в печати такое платное объявление? А почему бы и нет? Ведь речь идет о распространенном под сенью статуи Свободы виде платных услуг.

Перед нами американский журнал «Солдат удачи». Он пестрит объявлениями наемников. Например:

«Бывший морской пехотинец США. Имеет два года снайперского опыта во Вьетнаме. В течение 5 лет был инструктором по стрельбе. Прошел подготовку по партизанской войне, терроризму и технике выживания. В случае надобности выезжает немедленно...»

Куда выезжает? А все равно куда, хоть к черту на рога — лишь бы платили. Кстати, о ценах. Прейскурант публикуется тут же. Никто не конфузится, не заливается краской стыда: народ деловой. Организация ФНЛА, находящаяся под опекой ЦРУ и действующая против Анголы, платит аккордно от 1200 до 1500 долларов в месяц в зависимости от «специализации и опыта». Никарагуанский диктатор Сомоса предлагает по 500—600 долларов...

Спрос рождает предложения. Листаем страницы «Солдата удачи».

Некий 29-летний гражданин из г. Норс Эндовер, штат Массачусетс, рекламирует себя как «хорошего солдата с двумя серебряными звездами», готового на короткое время заняться «антикоммунистической деятельностью».

Опытный ветеран из штурмовых войск тоскует в г. Энкэсуилл, штат Коннектикут, по «тайным операциям».

А рядом объявления работодателей. Некий джентльмен из Бэдфорда сообщает: требуются люди с готовыми загранпаспортами для «работы наемником в Африке». Подчеркнуто: «Нужны люди дела, а не трепачи».

А вот и реклама учебных пособий по бросанию ножей в человека, по «быстрому уничтожению часовых» и т. д. Реклама одной брошюры сопровождается веселенькой репликой: «Отправь своего противника на вечную пенсию всего за 10 долларов!..»

Имеется и литературная реклама. Поступил в продажу «Международный справочник по площадной ругани». Для наемника открывается возможность изрыгать ругательства на немецком, французском, испанском, шведском и даже русском языках. И вот тут нам бы хотелось по-редакторски вмешаться и сделать поправочку: не тратя времени попусту на русские ругательства, наемнику следует вызубрить всего лишь два слова: «Kaput, sdajus!»

ЯРКАЯ КАРТИНКА

«Ниггеры, берегитесь!»,— грозит «высшая раса» цветным «недочеловекам». Можно подумать, что плакат этот наклеен гитлеровцами где-нибудь на заборе в портовой улочке Гамбурга в тридцатые годы нынешнего столетия.

Но это не архивный снимок. Плакат и сегодня висит в Чикаго у самого входа в штаб-квартиру фашистской организации США «Национал-социалистская партия Америки». В самом штабе стены украшены знаменами со свастикой, портретом Гитлера и прочими причиндалами третьего рейха.

А в Вашингтоне тем временем бубнят о правах человека, о равенстве рас в лоне западной демократии... А плакат висит.

ТЕЛЕКРОКОДИЛИНКИ

Юрий БЛАГОВ

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Вышел телевизор мой из строя,
В панике я рухнул на кровать,
Маялся весь вечер, волком воя,
И не знал, куда себя девать.

В день второй устроил передышку
В стонах, от которых толку нет,
Прочитал на нервной почве книжку,
Что уже не делал много лет.

Третий вечер грусть навеял снова,
И тогда, нарушив карантин,
Навестил приятеля больного
И сходил на выставку картин.

А в четвертый вечер сдал посуду,
В пятый вечер — в гости залетел,
Постепенно стал бывать повсюду,
Обнаружив массу нужных дел.

Перестал быть теледомоседом.
То в театр спеша, то на каток,
Зажил полной жизнью и об этом
Накатал вот эти двадцать строк.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рисунок П. КОЗИЧА, г. Витебск.

— Приносим извинения за технические помехи!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунки Н. БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород.

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ»

Мих. КОРОБЧЕНКО
Талант

Талант поэта—не алмаз в зобу:
Ты «шариками», разумом старайся.
А если нет тех «шариков» во лбу,
То шариковой ручкой не пытайся!
Горьковская область.

Римма ГРАНОВСКАЯ
Так сказать...

Раз сто сказал он «так сказать»,
«Вот именно» — раз двадцать пять
И, даже не приблизясь к сущности,
Он двадцать раз сказал «а в сущности».
г. Москва.

Евгений КОГАН
Вечное движение

Себя не щадя, не жалея машин,
Спешим по делам и без дела спешим.
Напрасно Коперник встревожил умы:
Земля неподвижна, а вертимся мы!
Московская область.

Борис ШАМОВ
Кот-философ

«Пока есть мыши, нет забот.
Мне и кормежка и уход.
А переловишь всех мышей,
Глядишь, и выгонят взашей».
г. Свердловск.

КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ»

«Одна такая женщина, как Мария Ивановна, дает нам, горожанам, по 7550 штук яиц в день».

(Из телепередачи).
Прислала Л. Сафьянникова, г. Иркутск.

Прислал А. Дурманаев, ст. Мурзинка, Свердловской ж. д.

«Я в 9 часов утра ушел с работы без разрешения мастера в медвытрезвитель взять свои две бутылки вина, т. к. я до этого в ночь с 13 на 14 августа помещался в медвытрезвитель, и у меня было изъято две бутылки вина, но т. к. я был в нетрезвом состоянии, меня снова поместили в медвытрезвитель. Свою ошибку понял и обещаю впредь ее не повторять».

Прислал А. Рокотянский, г. Горячий Ключ.

«Товарищи пассажиры, наша парикмахерская может оказать вам разные услуги на голове».

(Объявление по вокзальному радио).
Прислал К. Касенов, г. Тюмень.

«Раздаточная работает налево».

(Объявление в столовой).
Прислал А. Микон, г. Алушта.

«Продается мотоцикл ИЖ-56, проживающий ул. Большая, 32».

(Объявление).
Прислал М. Ястребов, Ростовская область.

«Мною, механиком нефтебазы, составлен акт о нижеследующем:

За время плохого осенне-зимнего периода пришли в негодность:

Нарышкин, Павленко, Ефремов и др.

Прошу списать их с подотчета».

(Из акта о списании спецодежды).
Прислал В. Ефремов, Пермская область.

— Теперь я понимаю, почему статистика утверждает, что большинство несчастных случаев дома происходит на кухне...

«Иси Пари», Франция.

●

Жена была в отъезде и позвонила мужу:

— Как наша кошечка!

— Сдохла.

— Какой ужас! Неужели ты не мог сообщить мне об этом поделикатнее! Например, она, мол, сидит на крыше. А уж потом бы ты сказал, что она упала и разбилась. Понятно!

— Вполне.

— А как моя мама!

— Сидит на крыше.

●

— Сколько тебе лет, Шарлотта!

— Какое это имеет значение! Когда в прошлом году зажгли все свечи на моем именинном пироге, по одной за каждый год жизни, половина гостей упала в обморок от жары.

МОЛОЧНИК. Ты доливал сегодня воду в молоко!

НОВЫЙ ПОДРУЧНЫЙ. Да, сэр.

МОЛОЧНИК. Разве ты не знаешь, что это безнравственно!

ПОДРУЧНЫЙ. Да, сэр, но вы же сами сказали...

МОЛОЧНИК. Я сказал тебе, что надо сначала налить в бидон воды, а потом уже добавлять туда молоко. Тогда мы с чистой совестью можем говорить, что не разбавляем молоко водой.

●

Две дамы беседуют о замужестве.

— Мне кажется,— говорит одна,— что замужество напоминает мираж в пустыне — с дворцами, пальмами и верблюдами. Потом исчезает дворец, за ним пальмы и, наконец, остаешься с одним верблюдом.

●

— Неужели так больно?

«Панч», Англия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

Робер ЭСКАРПИ (Франция)

ДВОЙНОЙ ГОНОРАР

Редакция одного специального журнала заказала мне статью о развитии волейбола у туземцев Микронезии. Это один из многих вопросов, в которых я пользуюсь заслуженным авторитетом. Но из-за перегруженности другими делами у меня не было времени открыть энциклопедию и узнать, как обстоят дела с волейболом в Микронезии. С другой стороны, две тысячи франков, обещанных за статью, напоминали мне, что я не вправе уклониться от исполнения своего научного долга.

Этот долг заставил меня в конце концов обратиться в фирму «Универсальный сервис». Служащая «Сервиса» нисколько не удивилась, когда я спросил, не могу ли я заказать им статью о развитии волейбола у туземцев Микронезии.

— Микронезии? — переспросила она меня самым деловым тоном.— Хорошо, мсье, мы позвоним вам через полчаса.

Ровно через полчаса раздался звонок.

— Простите, мсье, вам нужна статья о волейболе в Микронезии?

— Да.

— Вы можете получить ее через неделю. Это будет стоить вам тысячу двести франков. Согласны?

— Вполне.

Дело складывалось как нельзя лучше. Не ударив палец о палец получить восемьсот франков — неплохой бизнес!

Не успел я подсчитать мысленно свой доход, как снова зазвонил звонок. Звонил мой старый школьный товарищ, которого я давно потерял из виду.

— Как дела, Пьер? — обрадовался я.— Где ты и что ты?

— Я в фирме «Универсальный сервис». Хочу попросить тебя кое о чем.

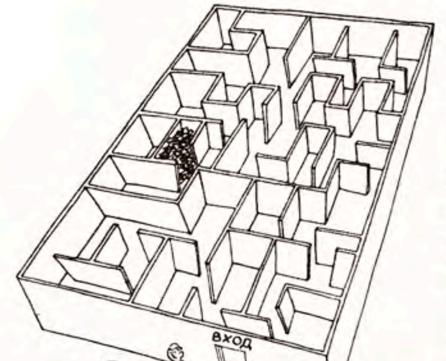
— О чем?

— Один идиот заказал нам статью о волейболе в Микронезии. Я вспомнил, что это как раз по твоей части. Мы заплатим тебе за нее восемьсот франков. Идет?

Я с трудом удержался от смеха. Идет? Он еще спрашивает меня! Два гонорара лучше одного, это и дитяти понятно.

К сожалению, то, что должно было быть понятным дитяти, оказалось непонятным мне. Впрочем, судите сами: если бы я написал статью и отнес ее в редакцию, мне бы заплатили две тысячи. А что вышло? Статью я написал, отдал в «Сервис», получил за нее восемьсот франков, затем уплатил им же тысячу двести и, наконец, получил от редакции две тысячи. То есть потерял четыреста франков...

Перевел Валентин ДМИТРИЕВ.

— *Ваш дядюшка оставил довольно необычное завещание.*

«Сатердей ревью», США.

●

Браун приходит в страховую компанию.

— Я хотел бы застраховать свою жизнь.

— Прекрасно. Несколько вопросов, с вашего разрешения. На какой машине вы ездите? Какой у вас шоферский стаж?

— Простите, я не езжу на машине.

— Как! Может быть, вы ездите на мотоцикле?

— Нет.

— На велосипеде?

— Нет.

— Боюсь, мы не сможем застраховать вас. Жизнь пешехода слишком опасна.

ширпотреб

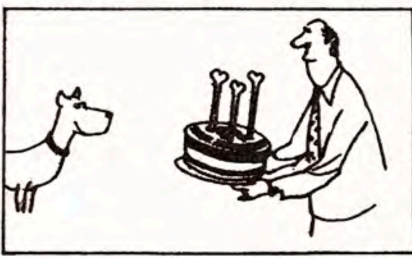
из коллекции старых объявлений

(ФРАНЦУЗСКИЕ РЕСТОРАНЫ НАЧАЛА ВЕКА)

Мы вытираем пыль с пирогов ежедневно!

Если наш ростбиф слишком жесток для вас, уходите отсюда: здесь не место для слабосильных!

Не разводитесь с вашей женой только из-за того, что она не умеет готовить. Обедайте у нас, а жену оставьте для семейного счастья!

«Арена», Югославия.

Эрнст РЁЛЬ (ГДР)

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

Когда люди смотрят на мой домик, взгляд у них становится задумчивый, рот полуоткрывается, и они недоверчиво покачивают головой. Понять их можно: домик мой, скажу честно, конфетка. И не просто конфетка, а шоколад экстра.

Потом, когда смотрящие на мой домик приобретают способность разговаривать, они льстиво бормочут:

— Какие у вас золотые руки! Не могли бы вы заглянуть к нам? Двадцать пять марок в час...

— Прошу прощения,— пожимаю я плечами,— вряд ли в ближайшее время я смогу выкроить хотя бы часок-другой.

Только не подумайте, что я родился с золотыми руками и уже в колыбели выказывал задатки мастера. Совсем наоборот. Никогда в жизни я не обучался ни ремеслам, ни точным наукам. Единственное, что я вынес из старой гимназии, была парочка латинских пословиц, перевод которых я, впрочем, помнил смутно.

Так я и жил человеком, который даже электропробку сменить не умеет, до того самого дня, когда по случаю увеличения моего семейства сразу на две орущие маленькие единицы мне вручили ордер на незатейливый однокватирный домик.

— Домик, конечно, не новый,— сказала мне дама в жилищном управлении,— но вполне приличный...

«Не новый» было сказано довольно деликатно. Именно в этом доме должен был остановиться Иоганн Вольфганг Гёте, когда в 1783 году возымел намерение посетить Панков. Но визит, который имел бы историческое значение, так никогда и не состоялся. Гёте в Панков не поехал. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому общество охраны памятников старины собирается водрузить здесь маленькую мемориальную досочку.

Итак, домик, овеянный легким дыханием немецкой классики, ожидал новых хозяев, то есть меня. Ожидал он, раскрыв окна, которые давно не закрывались, распахнув двери, которые давно рассохлись, и зияя многочисленными дырами. Если бы Гёте должен был переночевать в нем сейчас, творчество классика было бы под серьезной угрозой.

— Ждите,— сказали мне в ремонтном управлении. Я пошел к мастеру.

— Он сейчас не может,— сказала мне его жена,— он читает лекции на тему «Ремонт жилища для непрофессионалов».

Я вернулся домой. Двойняшки орали благим матом. Жена смотрела на меня взглядом, исполненным презрения. Что я мог сделать? Процитировать две латинские пословицы, смысл которых я забыл? Я сжал зубы и пошел к домику, в котором никогда не был Гёте. Сбоку стояла лестница, прислоненная к стене. Я влез, чтобы взглянуть на крышу. Увы, хождение по наклонной крыше меньше всего походило на латинские пословицы. Я поскользнулся и покатился вниз. На мое счастье, я попал в дыру, которая задержала меня. И в старых домах есть своя прелесть, сказал я себе, вылезая из дыры. Не будь дыры, я бы лежал уже на земле с тройным переломом ноги. Или шеи.

Что вам сказать? Я сделал все ошибки, которые только можно было сделать. Я клал кирпичи так, что они падали под действием силы тяжести, я красил стены, и краска попадала каким-то чудом куда угодно, кроме стен, я трижды падал с крыши. Но не боги горшки обжигают. Через три месяца я уже кое-что мог. Еще через три месяца валик для краски катался по стене, а не по моим рукам. Еще через полгода я был мастером на все руки. Я отремонтировал свой домик так, что мне не стыдно было теперь встретить самого Иоганна Вольфганга Гёте. Я окончательно забыл латинские пословицы, но зато стал маляром-виртуозом.

Но величайший свой триумф я испытал совсем недавно. Ко мне пришел мастер. Тот самый, которого я напрасно ждал в самом начале и кто читал лекции «Ремонт жилища для непрофессионалов».

— Простите,— сказал он,— я хотел бы поговорить с вами...

— Благодарю вас, — надменно сказал я,— боюсь, что ваши лекции вряд ли заинтересуют меня. Кое-чему я и так научился.

— Нет,— сказал мастер,— я пришел не для этого. Я хотел вас просить, чтобы вы отремонтировали у меня квартиру...

Перевела Е. СТЕПАНОВА

Слова, слова...

Для сваренного рака все худшее уже позади.

Рачья шутка.

Сила подчиненного — в слабости начальника.

Византийская поговорка.

Никогда не снимайте маску, если она лучше вашего истинного лица.

Из проспекта люксембургских бутафоров.

Если вам дали хорошее образование, это еще не значит, что вы его получили.

Фольклор преподавателей Канарских островов.

Если вопрос поставлен правильно, он будет долго стоять.

Шутка вавилонских бюрократов.

Что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги.

Приписывается Жану Полю Гетти, покойному американскому миллиардеру.

Когда приходит время кормить синиц, некоторые предпочитают журавлей в небе.

Из орнитологических наблюдений.

КРОКОДИЛ

№ 9(2271)

март

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, Н. Белевцев, А. Будилов, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, Е. Гуров, Р. Друкман, Г. Караваева, П. Козич, Н. Малов, Ю. Степанов, В. Тамаев, Ю. Черепанов.

■

НАШ АДРЕС:

101456

Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

■

Главный редактор **Е. П. ДУБРОВИН**

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

■

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 23.02.79. Подписано к печати 05.03.79. А 07826. Формат бумаги 70×108 1/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 596 050). Изд. № 767. Заказ № 284.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунок А. КРЫЛОВА

НОВЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.